

—

VIII.

Час Юй (17:00–19:00) только миновал.

На небе показался тонкий, прозрачный серп молодого месяца. Повсюду ярко горели дворцовые фонари, и ночной ветер время от времени приносил едва уловимый аромат османтуса.

Се Чэньюнь, опираясь на руку Гу Сьюаня, шел по дворцовой тропе, вымощенной белым мрамором, мимо бесконечных ярко-красных стен.

Ночь во дворце была тихой; слышался лишь стук деревянных сандалий да шелест соприкасающихся одежд.

Это был второй раз, когда он видел ночной Цзиньлинский дворец. По сравнению с его первым визитом, когда он пробирался сюда ради кражи, нынешняя прогулка была куда более неспешной, однако кое-что оставалось неизменным — присутствие этого человека рядом.

Внезапно Гу Сьюань обернулся к нему:

— Пришли.

Лotosовый пруд находился совсем недалеко от павильона Цинъю. Дворцовые стены казались бесконечными, но на самом деле путь занял меньше времени, чем требуется, чтобы выпить полчашки чая.

[*«Время одной чашки чая» (一杯茶的时间, Yī zhǎn chá de shíjiān) — это традиционное китайское образное обозначение промежутка времени, которое обычно приравнивается к 10–15 минутам.]

Поскольку это был императорский источник, здесь всё было доведено до совершенства. Огромный бассейн, выложенный белым мрамором, украшала в центре гигантская каменная резьба в виде цветка лотоса. На внешнем кольце «лепестков» застыли каменные головы золотых драконов и птиц фениксов, из пастей которых в бассейн медленно стекала теплая родниковая вода.

Белый пар, похожий на облака или туман, плыл над прудом, превращая это место в подобие сказочной обители небожителей. Поскольку слуг предупредили заранее, на поверхности воды покачивались лепестки красных, белых и других цветов, источая глубокий, дурманящий аромат.

Се Чэньюнь прищурился, и на его лице промелькнула понимающая усмешка. «Такая тщательная подготовка... Похоже, этот тиран твердо намерен довести дело до конца сегодня ночью».

Гу Сьюань не испытывал ни малейшего желания, чтобы его мыли посторонние, поэтому сразу отослал всех слуг прочь. Он сам снял обувь и одежду, оставшись в одних тонких нижних штанах.

Се Чэньюнь, очнувшись от своих мыслей, первым делом наткнулся взглядом именно на эту

картину.

Се Чэньюнь: «...»

Он уже не в первый раз видел тело Гу Сьюаня. Месяц назад в поместье Се этот парень уже переодевался прямо при нем.

Хотя в народе и при дворе Гу Сьюань слыл законченным распутником, его тело вовсе не выглядело бледным или истощенным от излишеств. Напротив, в этом мире вряд ли можно было найти мужчину более мужественного, чем он.

Особенно теперь — вероятно, из-за недавних тренировок — Гу Сьюань стал выглядеть еще более крепким и подтянутым. Здоровая смуглая кожа, рельефные мышцы и определенные «выдающиеся» места... Честно говоря, он выглядел внушительно с головы до пят.

Взгляд Се Чэньюня без всякого стеснения прошелся по Гу Сьюаню, изучая его вдоль и поперек. В конце концов, любому мужчине свойственно некоторое тщеславие в таких вопросах.

Гу Сьюань поначалу сохранял холодность, но, заметив такой пристальный взгляд Се Чэньюня, решил немного подыграть:

— Чэньюнь, ты доволен увиденным?

С этими словами он небрежно снял золотой венец с драконами, и черные волосы рассыпались по плечам. В таком виде, с распущенными волосами, он не утратил властности, а напротив — приобрел черты зрелого, порочного и притягательного мужчины.

Се Чэньюнь резко отвернулся, прикрывая ладонями вспыхнувшие щеки.

«Этот деспот... так вот на что он ставит? Сначала покорял нежностью, надевая на меня сандалии, а теперь хвастается своим телом? Истинно, просчитывает каждый шаг...»

Гу Сьюань уже привык к странностям своего спутника, поэтому не придавал значения тому, что Се Чэньюнь внезапно отвернулся. Он спокойно вошел в пруд. Теплая вода мягко коснулась кожи, и чувство комфорта мгновенно разлилось от стоп по всему телу — словно рыба вернулась в родную заводь.

Гу Сьюань погрузился в воду почти полностью, оставив на поверхности лишь голову и стройную шею. Он лениво прислонился спиной к бортику из мягкого нефрита и расслабленно выдохнул.

Подняв голову, он небрежно позвал:

— Чэньюнь, спускайся тоже!

Лотосовый пруд был открытым, без крыши. Стояла ночь, и время от времени налетал прохладный осенний ветер. Одежда Се Чэньюня уже начала отсыревать от густого пара, и если бы он продолжал стоять так на ветру, то вполне мог бы заболеть.

И вправду, налетел очередной холодный порыв. Се Чэньюнь хитро прищурился и негромко рассмеялся:

— Хорошо.

Гу Сьюань: «...»

Ему показалось, что в этом выражении лица было что-то подозрительное.

Се Чэньюнь босиком ступил на ступени из белого мрамора. В этот миг трудно было разобрать, что белее: его ступни или сам камень. С каждым шагом его одежда одна за другой опадала на землю, пока его безупречное тело не предстало перед глазами во всей красе. Белое как снег, сияющее как драгоценный нефрит — оно казалось истинным венцом творения природы.

Гу Сьюань смотрел на него с нескрываемым восхищением.

Се Чэньюнь поднял глаза и улыбнулся:

— Ваше Величество, вам нравится?

Гу Сьюань кивнул и честно ответил:

— Чэньюнь, ты необыкновенный человек. В мире смертных не бывает такой красоты. Ты, должно быть, либо демон, либо призрак.

В этот момент раздался громкий всплеск — в бассейне взметнулся столб брызг.

Гу Сьюань обреченно стер капли воды с лица.

Длинные черные волосы расплылись по воде, подобно водорослям. Прекрасное лицо Се Чэньюня медленно показалось над поверхностью; на губах играла улыбка — он явно был доволен своей шалостью. Сейчас он напоминал прекрасную и коварную сирену из далеких глубин океана.

Се Чэньюнь, склонив голову набок, весело спросил:

— Ну что, теперь я еще больше похож на демона?

— «Лотос, вышедший из чистой воды, прекрасен своей естественностью», — внезапно процитировал Гу Сьюань, а затем, подумав, добавил: — Пожалуй, ты не демон, а чистокровная русалка.

— Ты... — Се Чэньюнь одновременно смутился и рассердился, а на его лице отразился крайний шок.

«Откуда у этого тирана столько уловок?!» Он всерьез задался вопросом, не составил ли Гу Сьюань специальное пособие по обольщению именно против него. Прискорбно, что такой талант тратится не на государственные дела.

В оставшееся время Се Чэньюнь, наученный горьким опытом, держался от «коварного» Гу Сьюаня на значительном расстоянии. Весь процесс купания он провел в крайнем напряжении, ожидая от императора новой подвоха.

Однако Гу Сьюань об этом даже не подозревал.

Он, напротив, считал, что Се Чэньюнь, хоть и парень с характером, но знает меру: держится на расстоянии, уважая личное пространство друг друга.

Когда он почувствовал, что достаточно распарился, он поднялся, собираясь обтереться и

одеться. Он даже проявил любезность, предупредив Се Чэньюня:

— Не стоит оставаться в горячем источнике слишком долго, иначе это может навредить здоровью.

— ...О, — отозвался Се Чэньюнь и тоже поспешно встал.

Он наблюдал за тем, как Гу Сьюань с совершенно праведным видом вытирается и начинает облачаться в одежды, и никак не мог прийти в себя.

Этот деспот... он... он просто так уходит?

Никаких «игр мандаринок»?

Никаких новых уловок?

Никакого насилия?

Никаких... игрушек?

Се Чэньюнь, погруженный в свои подозрения, шел по мокрому мраморному полу, оставляя водяные следы. И тут, потеряв бдительность, он поскользнулся и всем телом неконтролируемо полетел вперед.

Гу Сьюань бросил одежду и рванул на помощь.

Когда его ладонь коснулась прохладной кожи, ему на миг показалось, будто он держит в руках статую из мягкого нефрита. Это прикосновение было настолько приятным, что он, движимый чисто эстетическим восторгом, не удержался и провел рукой еще пару раз.

— ... — Се Чэньюнь.

«Ну точно, грязный извращенец. Спокойствие в пруду было лишь случайностью, а вот сейчас — его истинное лицо».

Гу Сьюань же искренне считал, что лишь отдает дань восхищения прекрасному созданию без всяких задних мыслей. Погладив «статую», он с самым серьезным видом помог парню выровняться, снял с вешалки длинный халат, набросил ему на плечи и мягко произнес:

— Смотри под ноги, не простудись.

— ... — Се Чэньюнь лишь надул щеки.

«Этот тиран... мастер притворяться добродетельным».

Луна поднялась уже высоко, серебристый свет струился вниз, и весь дворец казался укрытым тонкой вуалью инея. Они молча вернулись к павильону Цинъю.

Перед тем как подняться по ступеням, Се Чэньюнь нарочито склонил голову и с улыбкой спросил:

— Ваше Величество, вы сегодня изволите почивать в Цинъю?

Гу Сьюань кивнул и веско ответил:

— Хорошо, что ты понимаешь, Чэньюнь.

Раз уж они начали играть спектакль, нельзя бросать его на полпути. Се Чэньюнь и впрямь оказался идеальным помощником.

— ... — Се Чэньюнь.

«Нет... я не хочу этого понимать».

Значит, он просто открыто объявил о своей конечной цели?

Гу Сыюань, с чистой совестью, первым вошел в спальню. На резной кровати у стены лежало два одеяла. Таков был обычай: фаворитка может разделять ложе, но спят император и наложница под разными одеялами, чтобы не тревожить сон государя.

Гу Сыюань по натуре не любил излишней близости, а уж делить постель — и подавно. Он бросил взгляд на мягкую кушетку у окна и переложил туда одно одеяло. Там Се Чэньюнь сможет устроиться с комфортом.

Почему не он сам? Ну, всё же он император, статус обязывает.

Се Чэньюнь вошел и увидел эту картину. Его брови тут же взлетели вверх.

«Хех, ну и хитрец».

На большой кровати осталось только одно одеяло. Значит, когда придет время спать, близости не избежать.

Гу Сыюань присел на край кровати и кивнул Се Чэньюню:

— Ты пришел. Ложись скорее, пора отдыхать.

Сказав это, он снял верхнее платье и нырнул под одеяло.

Се Чэньюнь от злости даже слова вымолвить не мог. С холодным смешком он решительно зашагал к кровати, на ходу сбрасывая халат на пол.

Хм, кто кого боится? С его-то мастерством — если Гу Сыюань вздумает что-то предпринять, еще неизвестно, кому не поздоровится.

Се Чэньюнь одним рывком откинул край одеяла и лег рядом.

— ... — Гу Сыюань.

«Обиделся, что ли?»

Подумав, он решил, что Се Чэньюня можно понять: это ведь его жилье, а император бесцеремонно занял его место. Ничего удивительного в его недовольстве нет. Кровать была огромной, так что двоим взрослым мужчинам было совсем не тесно.

Успокоившись, Гу Сыюань щелкнул пальцами, и светильники по обе стороны кровати погасли. Комната погрузилась в темноту, лишь сквозь щель в окне пробивались тонкие нити лунного света.

Се Чэньюнь вцепился в одеяло обеими руками. Сердце екнуло: «Начинается... Сейчас начнется... Этот деспот, этот сластолюбец...»

Странно, но несмотря на то, что он был куда сильнее Гу Сьюаня в боевых искусствах, перед этим человеком он чувствовал себя почему-то беззащитным.

Гу Сьюань обладал феноменальной бдительностью, но при этом умел засыпать мгновенно. Стоило ему закрыть глаза и пожелать сна — и он проваливался в него. Так случилось и сейчас.

В итоге, когда Се Чэньюнь уже почти протер дыры в одеяле от напряжения, от соседа не последовало никакой реакции. Подождав еще немного, он не выдержал и слегка повернулся на бок.

В скудном свете луны он разглядел закрытые глаза Гу Сьюаня и мерное движение его кадыка. Спящий Гу Сьюань не был похож на того холодного и сурового правителя: расслабленные черты лица смягчали его облик, не лишая его мужественности, но добавляя какую-то необъяснимую нежность.

Стоп.

«Спит? Он что, правда просто заснул?!»

Се Чэньюнь вытаращил глаза: «...»

Как так? Он моргнул раз, другой. Неужели этот человек на самом деле благородный муж?

Се Чэньюнь закрыл глаза, полный недоумения. Но образы Гу Сьюаня — самого разного — продолжали роиться в его голове.

Прошло немало времени.

Внезапно Се Чэньюнь распахнул глаза. Он понял.

Гу Сьюань ведет себя так именно потому, что искренне любит и уважает его. Даже оказавшись в такой ситуации, он не переходит черту и не хочет принуждать его ни к чему. И пусть он не может скрыть своей любви и желания быть рядом — он лишь под благовидным предлогом устроил совместное купание и общую постель...

От этой мысли у Се Чэньюня защемило в груди, а чувства запутались окончательно. Гу Сьюань — император, владыка этих земель, которому подвластно всё и вся, — и всё же он предпочитает вести себя с ним так осторожно и трепетно.

Се Чэньюнь приподнялся на локте, снова вглядываясь в спокойное лицо спящего. Он словно очерчивал пальцем в воздухе его черты, думая о том, что этот человек — истинный любимец небес, раз всё лучшее в мире сосредоточено в нем одном.

Что ж. Раз на свете нет никого лучше Гу Сьюаня...

Тогда к чему эти условности — мужчина или женщина? К чему все эти мирские предрассудки, из-за которых в итоге приходится довольствоваться малым?

Более того, если он сможет подчинить себе такого мужчину, который мужественнее всех остальных, разве это не станет лучшим доказательством того, что сам Се Чэньюнь — первый среди героев?

Се Чэньюнь снова откинулся на подушки, но в душе его уже созрело твердое решение.

На следующий день, еще до рассвета.

Гу Сьюань проснулся. Хотя в поездках не нужно было проводить утренние аудиенции, обстановка в стране оставалась беспокойной, и на одну только работу с донесениями у него уходило всё утро.

Однако, прежде чем встать, он нахмурился, почувствовав на себе странную тяжесть. Он опустил взгляд.

Се Чэньюнь почти полностью забился к нему в объятия: голова покоилась на правом плече императора, упираясь мягкой макушкой прямо в подбородок; обе руки крепко обхватили его правую руку, а одна нога и вовсе бесцеремонно закинута на бедро государя.

Гу Сьюань не знал, как долго они пробыли в такой позе, но... Неужели его бдительность притупилась настолько?

Он глубоко выдохнул. Похоже, мастерства всё еще недостаточно. Нужно ускорить изучение второго тома «Первозданного Искусства Неба и Земли», чтобы за два месяца обрести силу, способную сокрушить трех великих мастеров уровня Сяньтянь.

Гу Сьюань потянулся, чтобы отодвинуть спящего и поскорее уйти в кабинет, но в этот момент маленькая голова на его плече зашевелилась.

В следующую секунду Гу Сьюань почувствовал у своей шеи чужое дыхание — знакомое, но от того не менее волнующее тепло, заставившее его замереть. Ладонь, лежавшая на плече Се Чэньюня, дрогнула, и движение, которое должно было стать отталкивающим, по какой-то неведомой причине изменило направление.

Словно по цепной реакции, Се Чэньюнь снова шевельнулся и издал тихий, ворчливый звук, будто протестуя против того, что его беспокоят. Гу Сьюань тут же разжал пальцы.

Однако Се Чэньюнь не унимался. Его нога, покоившаяся на бедре императора, вдруг озорно дернулась и коснулась того, чего касаться не следовало.

В итоге потревоженным оказался уже сам Гу Сьюань. Раннее утро, молодое тело — естественная реакция не заставила себя ждать.

Будучи человеком несгибаемой воли, Гу Сьюань не придавал этому значения, решив просто дожидаться, пока всё успокоится само собой. Но эта нога, словно найдя себе новую забаву, нагло шевельнулась еще несколько раз.

Терпение Гу Сьюаня лопнуло. Так продолжаться не могло.

Одной рукой он обхватил худощавое тело, а другую запустил под одеяло, чтобы поймать неугомонную ногу. Ступня, холодная как лед, почувствовала опасность; пальцы испуганно подогнулись, щекотнув ладонь императора.

Но на этот раз сердце Гу Сьюаня было твердо, как гранит. Если так пойдет и дальше, Се Чэньюнь, может, и выспится, а вот сам император рискует лишиться рассудка из-за этой ноги.

Приложив усилие, он переложил гостя на внутреннюю сторону кровати, встряхнул скомканное

одеяло и заново укрыл Се Чэньюня. После этого он еще немного полежал на краю, дожидаясь, пока нежданное возбуждение окончательно утихнет, и только тогда поднялся.

Во внешней комнате его уже ждал Ван Тань, знавший привычку господина вставать в этот час. Пока слуги помогали Гу Сьюаню облачаться в драконье одеяние, евнух крутился рядом, то и дело бросая на него многозначительные взгляды.

— Есть что сказать — говори, — холодно бросил Гу Сьюань.

Ван Тань тут же заискивающе улыбнулся:

— Ваше Величество, после ночи с красавицей Се, изволите ли вы даровать укрепляющий отвар?

— ... — Гу Сьюань.

От одного упоминания об этих отварах у него уже начинала болеть голова. Но он понимал: если не дарует его сейчас, через пару дней Ван Тань снова заведет свою волынку про «драконий плод».

Помедлив, он серьезно ответил:

— Даруй. Но когда я закончу с делами и вернусь, пусть лекарь принесет его. Я хочу вручить его лично.

— ...Слушаюсь, — неуверенно отозвался Ван Тань, вытаращив глаза.

«Ну и жестокое же сердце у Его Величества!» — подумал он. Похоже, та таинственная госпожа, явившаяся месяц назад, действительно была единственной любовью, а эта красавица Се — лишь замена, инструмент, чтобы скрыть от гарема истинные чувства государя.

Если бы Гу Сьюань узнал об этих мыслях, он бы непременно поднял большой палец вверх. «Толстяк Ван, не зря ты главный евнух — умудрился случайно угадать правду наполовину».

Как только Гу Сьюань со свитой покинул павильон, Се Чэньюнь в спальне тут же открыл глаза. Он в восторге обхватил одеяло и несколько раз перекувырнулся на кровати, прежде чем успокоиться. На его губах заиграла ослепительная улыбка.

Хе-хе! Гу Сьюань и впрямь любит его до беспамьятства. Даже в такой пикантной ситуации он не пожелал осквернить его и предпочел молча терпеть. Где еще в поднебесной найдешь императора с таким самообладанием и уважением к любимому человеку?

Тонкие пальцы Се Чэньюня сжались в кулаки. В его темных глазах на мгновение вспыхнул странный голубоватый огонек.

«Раз так, то в будущем... я сам возьму инициативу в свои руки! Подчинить себе такого мужчину, как Гу Сьюань — о чем тут еще можно мечтать!»

—